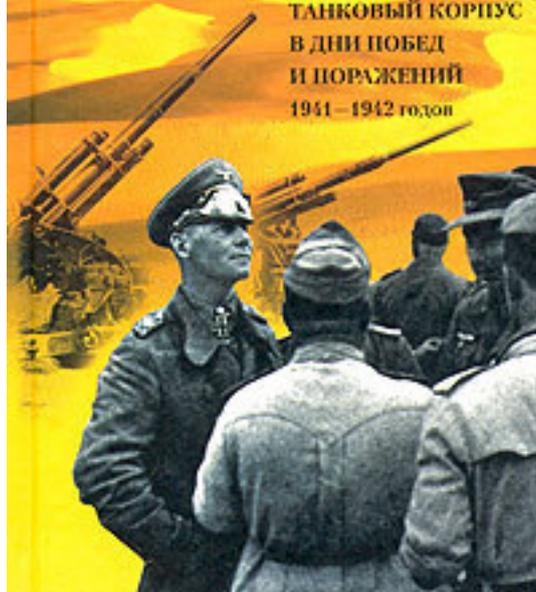

Хайнц Вернер Шмидт

С РОММЕЛЕМ В ПУСТЫНЕ

АФРИКАНСКИЙ
ТАНКОВЫЙ КОРПУС
В ДНИ ПОБЕД
И ПОРАЖЕНИЙ
1941 – 1942 год(а)

Хайнц Шмидт

**С Роммелем в пустыне.
Африканский танковый
корпус в дни побед и
поражений 1941-1942 годов**

«Центрполиграф»

Шмидт Х. В.

С Роммелем в пустыне. Африканский танковый корпус в дни побед и поражений 1941-1942 годов / Х. В. Шмидт — «Центрполиграф»,

Адъютант командующего германским экспедиционным корпусом генерала Роммеля рассказывает о сражениях в Северной Африке во время Второй мировой войны, о полководческом даре генерала, его оригинальных стратегических и тактических решениях, которые позволили в течение продолжительного времени успешно противостоять многократно превосходящим в численности и вооружении силам противника.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хайнц Вернер Шмидт

С Роммелем в пустыне.

Африканский танковый корпус в дни побед и поражений 1941-1942 годов

Всем, кто служил в пустыне, посвящается

Глава 1

Как я попал в штаб Роммеля

1

«Подразделения германских экспедиционных сил под командованием мало кому известного генерала Роммеля высадились в Северной Африке».

Я прочитал это проскочившее вскользь сообщение в информационной разведывательной сводке британского Верховного главнокомандования в начале марта 1941 года. Оно встретилось мне среди документов, захваченных нами в Керене на эритрейском фронте, где я командовал смешанным подразделением германских войск. Оно состояло из моряков, сошедших с кораблей, которые были блокированы Британским флотом в итальянском порту Массавы на Красном море. Пробежав глазами эту фразу, я не мог даже предположить, что всего восемь дней спустя окажусь лицом к лицу с этим самым Роммелем и долгие месяцы буду воевать с ним бок о бок в Западной пустыне, отражая массивные удары врага.

Тогда о Роммеле еще никто не знал и никто не называл его героем. Он стал им позже...

2

Будучи студентом университета и пройдя курс военной подготовки, я был мобилизован и во время вторжения в Польшу в 1939 году командовал пехотным взводом. Затем в течение нескольких месяцев «странной войны» служил на линии Зигфрида, пока не был вызван в Берлин. Там я получил специальное назначение на эритрейский фронт. Я полагал, что удостоился этой чести благодаря моим документам, где было указано, что я родился в Южной Африке. И хотя мои родители покинули ее, когда мне было всего четыре года, я не стал возражать против того, чтобы меня считали специалистом по Африке. Это, по крайней мере, сулило множество приключений.

В середине марта британские и индийские войска (4-я и 5-я индийские дивизии под командованием Уэйвела) овладели подступами к Керену, и стало ясно, что эти с виду неприступные ворота в Эритрею в ближайшее время будут взломаны. Войска генерала Каннингема, в составе которых находилась 1-я южноафриканская бригада Дэна Пиенаара, быстрым маршем шли через Сомали, чтобы в самом ближайшем будущем нанести удар в Абиссинии. Я получил приказ из Берлина распустить своих добровольцев из торгового флота и вернуть их на корабли, которые должны были попытаться прорвать блокаду и вернуться домой. Мне же велено было лететь в Северную Африку, в распоряжение германских экспедиционных войск, которые высадились в Триполи.

Я чуть было не попал в плен в Асмаре (столица Эритреи), но мне повезло – удалось достать пропуск на последний самолет «савойя», которым управляли три подвыпивших итальянских летчика, и, проведя в воздухе всю ночь, я очутился возле Мраморной Арки в заливе Сирт. Оттуда маленький итальянский самолет «гибли»¹ доставил меня в Триполи.

Во время полета на запад «савойя» была обстреляна британской артиллерией ПВО, и я, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, среди прочего думал о том, где и когда слышал о человеке по имени Роммель, который, по-видимому, находился в Триполи. Мне было знакомо это имя, но в связи с чем? Я никак не мог вспомнить, и это меня ужасно раздражало. Любопытно, что прозрение пришло ко мне в ту самую минуту, когда в неприятной близости от нашего самолета разорвалось несколько зенитных снарядов. На месте разрывов остались облачка дыма какой-то странной, причудливой формы – они напоминали длинные, призрачные пальцы. И тут я вспомнил: «Дивизия призраков» во Франции!

Так во время нашего стремительного блицкрига прозвали 7-ю германскую танковую дивизию за ее способность неожиданно появляться не только на линии фронта, но и позади французских позиций. Да, теперь я был уверен, что командовал этой дивизией генерал-майор Роммель. Интересно, увижу ли я его в Северной Африке?

3

Несколько часов спустя, как мне и было предписано телеграммой из Берлина, я прибыл в штаб-квартиру германских войск в Триполи, расположенную в роскошном отеле «Уаддан». Начальник штаба подполковник фон дем Борн приказал мне лично представиться генерал-лейтенанту Роммелю.

Я немного подождал в приемной. Большинство офицеров в «Уаддане», похоже, наслаждались сиестой из-за обжигавшего послеполуденного ливийского солнца. Ober-лейтенант Альдингер, который, как я вскоре узнал, был адъютантом Роммеля, прошел мимо меня во внутреннее помещение, дверь которого украшала скромная табличка «Генерал». Он появился вновь и вполголоса сообщил, что генерал ожидает меня. Я глубоко вздохнул и одернул мундир, который после нескольких месяцев пребывания в Эритрее уже не выглядел так, будто был только что сшит в ателье потсдамского портного. Я постучал и, услышав сказанное низким твердым голосом «войдите», вошел в просторную комнату.

Я отсалютовал как можно эффектнее и с военной четкостью доложил: лейтенант Шмидт, командир германской моторизованной роты добровольцев в Эритрее, в соответствии с приказом Главного командования сухопутных сил убыл с места службы в Эритрее и прибыл в ваше распоряжение.

И вот мы стоим друг против друга. Признаюсь, я и сам невысокого роста, но генерал оказался еще ниже. Он коротко и крепко пожал мне руку. Взгляд его серо-голубых глаз был ровен и спокоен. Я заметил в уголках его глаз и на скулах смешливые морщинки. Четкие линии рта и подбородка выдавали силу и подтверждали мое первое впечатление о нем как об энергичном и жизнелюбивом человеке.

– Вы прибыли из Эритреи, лейтенант?

– Так точно. Прибыл три часа назад.

Направив указательный палец правой руки в северо-восточный угол карты Африки, он спросил:

– И каково же там положение дел?

Ожидая этого вопроса, я без колебаний ответил:

¹ «Г и б л и» тип итальянского самолета-разведчика. (Примеч. ред.)

– Дело там плохо. – И тут же почувствовал, что должен обосновать это заявление, поэтому, выждав немного, добавил: – Я полагаю, что спасти положение там сейчас уже не сможет ничто.

Что вызвало гневную вспышку в глазах Роммеля – мои плохие военные познания или пессимистическая оценка обстановки в Эритрее? От этого огня в глазах и резкого движения головы мне стало не по себе.

– Что вы, в конце концов, об этом знаете, господин лейтенант? – холодно отрезал генерал. – Мы выйдем к Нилу, повернем направо и отобьем все захваченные территории.

Я не нашел, что ответить.

Роммель резко отвернулся и спокойным тоном бросил через плечо:

– Доложите о своем прибытии начальнику штаба полковнику фон дем Борну, который определит круг ваших обязанностей. Подготовьте отчет о вашей деятельности в Эритрее.

Он кивнул мне, и я удалился.

4

Как вы уже знаете, мне приходилось ранее встречаться с начальником штаба. Фон дем Борн был мужчиной мощного телосложения, немного грузноватым, с круглым лицом. Его умные с хитринкой глаза свидетельствовали, что он не лишен чувства юмора. Выслушав мой доклад, он произнес:

– Побудьте немного с нами. Вы уже внесли свою лепту в отступление в Абиссинии. Уж не знаю, как мы сможем вас здесь использовать, но раз у вас есть кое-какой «африканский опыт», пусть и не самый удачный, возможно, от вас и будет какая-то польза. – Подумав немного, он добавил: – Доложите о своем прибытии майору Шреплеру, начальнику отдела 11а, и скажите ему, что как офицер общего состава вы поступаете в распоряжение разведки, отдел 1с.

На улице я встретил обер-лейтенанта фон Хосслина, офицера артиллерийско-технического отдела, который снисходительным тоном, почти не вдаваясь в подробности, объяснил мне функции различных отделов штаба.

Вкратце они заключались в следующем:

1а – оперативный отдел штаба (принимает тактические решения);

1б – отдел снабжения (соответствует британскому Q);

1с – разведотдел (осуществляет разведку противника);

1а – отдел учета личного состава (соответствует британскому А).

Фон Хосслин далее сообщил мне, что в 15.00 – то есть через полчаса – генерал Роммель выступит перед офицерами 5-й легкой дивизии, которые только что прибыли в Триполи, и что все офицеры штаба, включая меня, обязаны при этом присутствовать. И хотя я был еще не при деле, впервые ощутил себя членом штаба Роммеля.

Около тридцати офицеров собрались в одном из просторных залов «Уаддана». Одни весело болтали, другие спокойно беседовали. В зале стоял гул, когда я вошел и отдал честь, но приветствие молодого, никому не известного лейтенанта осталось незамеченным. Я увидел одного-двух знакомых, стоящих в группе неизвестных мне штабных офицеров. Большинство собравшихся были молодыми офицерами, с гордостью носившими награды за доблесть на черных куртках танковых мундиров.

Начальник штаба фон дем Борн еще не успел проверить, все ли офицеры явились на встречу, как вошел Роммель. Офицеры вытянулись по стойке «смирно». Фон дем Борн громко доложил:

– Штабные офицеры и офицеры танковой дивизии к совещанию готовы!

Я был удивлен такой неофициальной формой доклада. (Обычно в германской армии генералу докладывают, сколько офицеров присутствует и сколько отсутствует, к каким частям они относятся и так далее.) Роммель без дальнейших церемоний начал свою речь.

– Господа, – сказал он, – я рад узнать, что после трудного путешествия офицеры 5-й легкой дивизии прибыли наконец в Триполи почти в полном составе. Я уверен, что с появлением ваших танков обстановка в Северной Африке стабилизируется. Продвижение противника в направлении Триполи остановлено. Подразделения нашего разведывательного батальона на бронев автомобилях под командованием подполковника фон Вегмара достигли итальянских передовых позиций в заливе Сирт под Эль-Агейлой и укрепили фронт морально и материально. Наша задача – восстановить веру итальянцев в свое оружие и поднять боевой дух наших союзников.

Роммель делал паузы между предложениями, сжимая в кулаки пальцы согнутых в локтях рук и подаваясь вперед. Могучая грудь, энергичное лицо, краткая и по-военному точная манера выражаться говорили о сильной воле. Присутствующие офицеры внимательно слушали обзор обстановки.

Роммель повысил голос и слегка потряс кулаком:

– Мы должны защитить область Триполи от атак британской армии. Мы ее остановим. – Он сделал паузу и продолжал: – Наша задача заключается в том, чтобы держать противника в неведении относительно нашей силы – или слабости – до тех пор, пока 5-я легкая дивизия не высадится в полном составе. Прибудет еще одна дивизия. Как только будут выгружены все танки, 5-я германская легкая дивизия и итальянская танковая дивизия «Ариете» устроят совместный парад, да так, чтобы о нем непременно узнали итальянское гражданское население, во-первых, и вражеские шпионы, во-вторых. Детали уже обговорены с командиром танковой дивизии. По завершении парада она немедленно отправится на фронт, где будет оставаться в резерве... Ожидаю от офицеров и солдат строжайшей дисциплины. Это будет примером итальянским войскам. Благодарю, господа. Хайль Гитлер!

Роммель сразу же покинул зал, за ним последовал начальник штаба и офицер оперативного отдела майор Элерт, высокий темноволосый мужчина, с которым мне предстояло много общаться.

Адъютант Роммеля тут же повернулся ко мне. Альдингер был невысоким стройным мужчиной, лет сорока пяти, с худым лицом и маленькими усиками. Под мышкой он держал планшет генерала. Свободной рукой он прикоснулся к верхней пуговице моего кителя.

– Господин Шмидт, – сказал он, – вы получите комнату в расположении отдела личного состава – свяжитесь для этого с обер-лейтенантом Гиммлером. Вы найдете его у офицера разведки. Позже мы, конечно, предоставим вам более подходящее место.

Он говорил дружелюбным тоном с легким швабским акцентом. Я сразу же проникся к нему симпатией, особенно потому, что чувствовал себя еще очень одиноко, прибыв с далекого разгромленного врагами фронта.

Я выполнил распоряжения Альдингера. Этим вечером (а было это, я полагаю, 14 марта), готовя отчет для Роммеля, я познакомился с обер-лейтенантом Берендтом. Это был энергичный молодой человек с живым умом. Он рассказал мне о годах, проведенных в Египте, и о том, как он учился в каирской школе вместе с Рудольфом Гессом, который, о чем мы, конечно, не догадывались, всего лишь через месяц, 10 мая, совершит свой наделавший столько шуму полет в Шотландию. Берендт отлично говорил по-английски и каждый вечер слушал новости Би-би-си, которые записывал и переводил для Роммеля.

Я еще работал над отчетом, вполуха слушая новости на английском, которые записывал Берендт, когда вдруг услышал слово, которое заставило меня остановиться и бросить ручку, – «Кобург». Диктор сообщал о немецком грузовом судне «Кобург», водоизмещением 9000 тонн, которое вышло из Массавы в надежде достичь европейских берегов, пройдя Красное море, а

затем обогнув мыс Доброй Надежды, но было потоплено у берегов острова Маврикий. Команда вместе с пассажирами попала в плен и была отправлена в Южную Африку.

Меня охватил легкий приступ меланхолии, смешанной с облегчением. Всего несколько недель назад я жил на «Кобурге», надеясь остаться на его борту во время попытки прорвать блокаду. Но волею судьбы и по прямому приказу из Берлина вернулся для прохождения службы на сушу. Большую часть пассажиров составляли добровольцы. Теперь они попали в плен и содержались на моей родине, которая сейчас принадлежала противнику. Затем я вспомнил, что моя возлюбленная в Германии ничего не знает о моей судьбе, и, значит, подумал я, утром, если удастся, надо отправить телеграмму.

Глава 2

Блеф в Триполи

1

На следующий день на главных улицах Триполи прошел танковый парад Роммеля. Был яркий солнечный день, но итальянское население, похоже, не проявило особого интереса к этой демонстрации силы. Единственная многочисленная группа гражданских стояла вокруг платформы, на которой Роммель, в сопровождении нескольких итальянских генералов, принимал парад. Я стоял подле своего нового начальника.

Один за другим через равные промежутки времени танки, грохоча, прокатывали мимо нас. Они производили ужасный шум, двигаясь по вымощенным щебнем улицам. Недалеко от платформы, где стоял Роммель, танки со страшным скрежетом и грохотом сворачивали на прилегающую улицу. Меня поразило число проезжавших танков, и я пожалел, что не стал считать их с самого начала. Через четверть часа я заметил неисправность в ходовой части одного из танков «Т-IV», который почему-то показался мне знакомым, хотя я не видел до этого его механика-водителя. И тут только до меня дошло, в чем дело, или, как говорят томми – английские военные, – пенни провалилось, и я невольно усмехнулся. Все больше танков, лязгая и грохоча, проходили этот поворот. Стало заметно, как пострадало от гусениц полотно дороги. Итальянцы пялились на все это, но не проявляли никаких эмоций. Где, думал я, их пресловутая живость и энтузиазм? Но вскоре понял.

Когда последний германский танк проехал мимо платформы, на которой стоял командующий, после непродолжительного перерыва, не так быстро и не так шумно двинулась вереница итальянских танков. Командиры экипажей с гордостью демонстрировали себя публике. На их лицах было написано выражение отваги и дерзости. Со всех сторон немедля посыпались приветственные возгласы. Люди размахивали руками; толпа бурлила. Послышались крики: «Вива Италия!»

Мы с товарищами по штабу были озадачены холодным приемом, оказанным германским войскам, которые, в конце концов, прибыли, чтобы помочь оборонять город. Похоже было, что нас просто терпели; популярностью мы не пользовались. Зато их бравые ребята были настоящими народными героями.

После того как проехал последний итальянский танк, Роммель выступил со своей первой речью в Северной Африке. Четкими и ясными фразами он выразил уверенность, что объединенными усилиями итальянцам и немцам удастся сдержать продвижение британских войск. Обер-лейтенант Хеггенрайнер, офицер связи с итальянскими войсками и единственный немецкий офицер, принявший участие в паническом бегстве итальянцев из Сиди-Баррани, когда Уэйвел в середине декабря совершил прорыв, слово в слово перевел речь Роммеля на итальянский. Его голос был чист и хорошо поставлен. Но аплодисменты прозвучали только тогда, когда толпа услышала, как Роммель упомянул успехи итальянских войск.

Через два часа после речи Роммеля 5-я легкая дивизия (не такая уж многочисленная, как можно было ожидать), пройдя через западные пригороды Триполи, вышла в пустыню и отправилась в сторону Эль-Агейлы, где проходил фронт и где окопались войска Уэйвела. Впервые немецкие танки двигались по африканской земле, чтобы напасть на противника.

И хотя на итальянское население танковый парад Роммеля не произвел особого впечатления, о британских шпионах этого сказать было нельзя. Судя по сообщениям радио, англий-

ский Главный штаб на Ближнем Востоке был поражен мощью германских экспедиционных сил в Триполи.

На следующий день я прибыл в распоряжение офицера оперативного отдела майора Элрета. Мне он показался человеком резким, с большим самомнением. И хотя доклад Роммеля был в тот момент еще в процессе подготовки, Элрет вызвал меня в свой кабинет, отозвался о нем одобрительно и передал мне несколько приказов. Роммель планировал обмануть противника – особенно французов, сторонников де Голля, которые под командованием Леклерка могли бы создать сильные помехи нашим войскам, расположенным южнее, в оазисах. Он планировал нанести ложный удар в южном направлении моторизованной колонной под командой подполковника фон Шверина. Ее целью был Мурзук. Как «опытный специалист по пустыням» я должен был сопровождать колонну в качестве советника. Я уже понимал, что жизнь в Триполи скоро станет однообразной, и, когда меня спросили, согласен ли я отправиться вместе с фон Шверином, я без колебаний признал, что лучшего человека для такой работы не найти.

В эту ночь Королевские ВВС бомбили Триполи. От стены моей комнаты остались обломки и пыль, и от этой мелкой пыли, по-видимому, загноилась небольшая ранка на щеке, оцарапанной осколком. Мне приказали срочно отправиться в госпиталь, и я узнал, что в экспедиции на Мурзук меня заменит обер-лейтенант Хохмейер, который был настоящим «специалистом по пустыням», поскольку до своей службы в армии долгое время прожил в Египте. Он был большим знатоком оазисов. Я, конечно, очень расстроился, что мне не придется участвовать в походе, хотя был новичком, изображающим специалиста. Но после того, как провел несколько дней в госпитале, Альдингер сказал мне:

– Скоро вы получите приличную должность в штабе Роммеля, и это развеет вашу скуку. Действительность превзошла все мои ожидания.

Я постепенно познакомился с другими штабными офицерами и обнаружил, что обер-лейтенант Хеггенрайнер, несмотря на нашу разницу в званиях, относился ко мне лучше всех. Нас объединяло то, что мы оба принимали участие в отступлении итальянских войск в Эритрее. Я помню, как Хеггенрайнер рассказывал, что национальный герой Италии маршал Бальбао, вылетая из Тобрука, был сбит собственными зенитками. Теперь Хеггенрайнер жил в Триполи с итальянскими генералами на роскошной вилле покойного маршала.

Штаб Африканского корпуса вскоре переместился в более удобные апартаменты со всеми удобствами. Его офицеры быстро привыкли к роскошным условиям, включавшим в себя охлажденный лимонад в дневную жару и щегольскую белую форму для вечернего отдыха в неформальной обстановке.

Но Роммель был спартанцем, презиравшим все эти игрушки. Он отдал приказ, которого никто не ожидал. Штабу было приказано переехать в Восточную Триполитанию, чтобы, во-первых, быть ближе к подвижным резервам, расположенным за ущельем Эль-Агейлы, где мы теперь противостояли противнику, а во-вторых, привыкать к тем же климатическим и жилищным условиям, в каких жили строевые офицеры дивизии. Третьей причиной была реальная угроза штабу корпуса со стороны авиации противника, которая подвергала его массированным ударам и которой активно помогала густая шпионская сеть в городе.

2

Несколько дней назад я получил назначение – сопровождать генерала. Он проводил регулярные совещания с офицером отдела снабжения майором Отто, который отвечал за организацию всех поставок. Роммель проверял каждый отчет о прибытии войск и техники. Они не всегда его удовлетворяли. Британцы отправляли на дно Средиземного моря множество кораблей с важными грузами. Одно большое судно с грузом боеприпасов прорвалось в гавань Триполи, но его не успели вовремя разгрузить: судно разбомбили, и взорвавшиеся боеприпасы, которые

находились в его трюмах, превратили в груды развалин целый квартал, а сам корабль пошел ко дну. Роммель часто казался обеспокоенным, но никогда не позволял себе впасть в отчаяние.

– Спасибо Господу, что оба батальона танковой дивизии прибыли почти в целостности и сохранности, – успокаивал он себя.

Танки! Со дня его прибытия в Африку это слово было для него наиважнейшим; танки были маслом на его куске хлеба.

Главное командование сухопутных сил в Берлине прислало приказ о назначении Роммеля командующим германским Африканским корпусом. Насколько я помню, этот приказ появился на несколько недель позже, чем пришло подтверждение о присвоении Роммелю звания генерал-лейтенанта. Однако корпуса как такового еще в общем-то и не было. Не высадились до конца даже 5-я легкая дивизия.

Майор Элерт из оперативного отдела проанализировал эту ситуацию в своем докладе:

– Противник ограничил активность разведкой. Наша воздушная разведка сообщает, что противник, очевидно, пополняет свои боевые подразделения и приводит в боевую готовность технику. С нашей стороны итальянские пехотные части продолжают удерживать фронт. На передовой особо отличился батальон «Санта Мария». Действуют также танковая дивизия «Ариете» и дивизия «Брешия». Германские разведподразделения вступили в бой с противником. Танковая дивизия заняла позиции в качестве подвижного резерва. Тем временем прибыли лишь два батальона из мотопехотного полка, две или три батареи полевой артиллерии, половина саперного батальона, рота снабжения, передовые подразделения 15-й танковой дивизии. Воздушная обстановка, – продолжал он свой доклад, – улучшилась в нашу пользу благодаря усилению наших истребительных частей и артиллерии ПВО. Личный состав 5-й легкой дивизии под командованием генерал-лейтенанта Штрайха занял позиции у Мраморной Арки. Командующий приказал штабу Африканского корпуса занять позицию в районе Сирта, срок исполнения – сегодняшняя ночь.

3

Марш начался вечером. Роммель возглавлял колонну на машине, в которой кроме Альдингера находился ординарец генерала фельдфебель по имени Гюнтер, маленький парень с копной волос соломенного цвета, который при любых обстоятельствах сохранял невозмутимость, что меня сильно раздражало. Непосредственно за генералом следовали трое связных на мотоциклах. За ними двигался замаскированный грузовик оперативного отдела, в котором Элерт и обер-лейтенант Хосслин контролировали движение по маршруту и положение противника. Затем шла моя штабная машина. Со мной находился обер-лейтенант, отвечавший за связь, который на каждой остановке поддерживал связь со своими подчиненными в грузовике, шедшем далеко позади, в хвосте длинной колонны.

Через два дня мы обосновались в новой штаб-квартире в районе Сирта. В этом месте не было ничего, кроме нескольких домишек, песчаной взлетно-посадочной полосы да несметного полчища мух. Никаких охлажденных напитков, как в «Уаддане», отметил я. Сирт мне не понравился. Но у меня не было времени роптать по поводу неудобств. Меня ожидал приказ: «Лейтенанту Шмидту немедленно явиться в машину оперативного отдела».

Я увидел Роммеля, сидящего под навесом около грузовика ЭлERTA и беседующего с генерал-лейтенантом Фрелихом, командующим подразделением люфтваффе. Я лихо отсалютовал, но никто из них не обратил на меня никакого внимания. Гордость двадцатипятилетнего молодого человека была задета. Но это не было проявлением неуважения, я понял, что они заняты делом чрезвычайной важности.

– Фюрер приказал мне провести воздушную разведку совместно с 5-й легкой дивизией, – произнес Роммель. – И мне понадобится ваша помощь в воздухе...

Телефонный звонок заглушил конец фразы и ответ Фрелиха. Он высказывал свои возражения или указывал на трудности.

– Фрелих! – перебил Роммель, повысив голос, но Фрелих продолжал:

– Я сделаю все, что в моих силах, господин генерал, но...

В этот момент я услышал сердитый голос Элерга:

– Шмидт, я вас жду.

Глава 3

Приключения в оазисе

Элерт восседал над грудой оперативных карт.

– Шмидт, подготовьтесь выполнить спецзадание генерала. Вам надлежит немедленно отправиться штаб-квартиру 5-й легкой дивизии и явиться к оперативному офицеру. – Он жестом подозвал меня поближе. – Посмотрите на эту карту. Непосредственно перед Эль-Агейлой расположены позиции германского батальона. Здесь к югу есть оазис Марада, возможно еще не занятый противником. Вам следует принять под свое командование моторизованный отряд и несколько бронемашин и занять этот оазис. Там вам необходимо будет выяснить и доложить, сможет ли сильный боевой отряд нанести оттуда удар по оазису Джалу и выбить из него противника.

Элерт добавил, что это очень ответственное задание и его успешное выполнение будет иметь далеко идущие последствия. В раздумье он добавил:

– Если Марада занят противником, вам предстоит овладеть им. И если противник попытается вернуть утраченные позиции, то вы должны будете удержать его любой ценой. Дополнительную информацию получите в Мраморной Арке. Все ясно?

Я кратко повторил полученные инструкции, но не решился задавать вопросы, поскольку знал, с какой неприязнью Элерт на них реагирует. Когда я повернулся, чтобы покинуть фургон, Элерт вручил мне оперативную карту:

– Берегите ее. У нас только три экземпляра. И доложите командующему, прежде чем отправитесь.

Сердце мое радостно билось. Я испытывал гордость и волнующее предчувствие приключения, к которому примешивался страх. Пока упаковывали мое снаряжение, я приказал водителю заправить машину бензином и через несколько минут был готов ехать. Я доложил Роммелю о своем отъезде, но он лишь кивнул в ответ.

Путь до Мраморной Арки оказался тяжелым, поскольку мы постоянно следили за небом, опасаясь появления вражеских самолетов. Вечером я заметил в пустыне большую арку, к югу от нее стену из светлого камня, а рядом с ней вкопанные в песок машины и танки, палатки и укрытия – это была штаб-квартира 5-й легкой дивизии. Я немедленно доложил о своем прибытии начальнику оперативного отдела дивизии майору Хаузеру, который впоследствии стал генералом и начальником штаба 14-й армии в Италии. Не успел я прибыть к нему, как в палатку Хаузера вошел генерал-лейтенант Штрайх – командир дивизии.

Оба они мне понравились – держались неофициально и по-дружески, предложили стакан пива – роскошь, невиданную в штаб-квартире Роммеля в пустыне. Они знали о моем задании и рассчитали организационные моменты. Мы обсудили детали, а потом вызвали начальника отдела разведки. Он был тоже дружелюбен, но слегка высокомерен. Это был капитан фон Клюге, сын знаменитого генерала, по прозвищу Умный Ганс². Не думаю, чтобы его сын заслуживал подобного прозвища.

Дивизионная столовая была удобнее и богаче, чем у Роммеля. Я увидел, что здесь можно купить выпивку, сигареты и даже конфеты, что мне особенно понравилось, ибо я не курил.

Разговор в столовой в тот вечер вращался вокруг политики. Наверное, я был неосторожен, осудив заявление Геббельса в поддержку гонения евреев в 1938 году как «спонтанную демонстрацию духа германской нации». Не будучи приверженцем евреев, я заявил, что поли-

² От немецкого «klug», что означает умный.

тика антисемитизма недостойна нации. Пожилому офицеру-резервисту, земледельцу из Мекленбурга, похоже, понравилось мое прямолинейное высказывание, и он сказал:

– Я рад слышать это от молодого офицера, но взгляните на своего соседа – он думает совсем иначе.

Моим соседом был другой лейтенант, лет сорока, крепкий и агрессивный с виду, с массивным лбом, всегда слегка набыченным, как будто он был слишком тяжел или как будто лейтенант был постоянно погружен в тяжелые раздумья. Я не заметил с его стороны никакой реакции, но решил представиться. В последующей несколько натянутой беседе выяснилось, что лейтенант Берндт в гражданской жизни работал консультантом в министерстве пропаганды Геббельса и был автором книги «Прорыв танков-охотников». Он никак не отреагировал на мою критику Геббельса, и на протяжении вечера мы с ним успели подружиться. Никто из нас и не предполагал тогда, что нам предстоит прожить вместе много месяцев.

В ту ночь томми забросали нас осветительными ракетами (которые мы называли «рождественскими елками») и осколочными снарядами. Их осколком разорвало крышу моей палатки, и мне открылся прекрасный вид на африканские звезды.

Задолго до рассвета я занял свое место во главе колонны, которая отправилась в оазис Марада. В колонне было около тридцати единиц техники, включая четыре бронемашины связи, полдюжины легких вездеходов «фольксваген», два грузовика с зенитными установками и два – с противотанковыми орудиями; остальные – открытые машины и грузовики для перевозки солдат, боеприпасов и продовольствия. Мою колонну сопровождали три молодых офицера – командир роты, лейтенант, которого, как и меня, звали Шмидт, и лейтенант, командир связистов.

Мы продвигались к востоку. Но когда до Эль-Агейлы осталось всего несколько километров, залпы британской артиллерии подсказали нам, что пора сворачивать с дороги, шедшей по побережью, на юг. Мы направились в сторону Марады, следя, не появятся ли наши бронемашины, которые, по нашим сведениям, патрулировали эту местность. Через два часа мы натолкнулись в пустыне на разведотряд. Командир огромной четырехосной бронемашины дал нам новые координаты и предложил проводить до дороги на Мараду. И мы двинулись дальше.

Связисты передали вперед по колонне предложение остановиться. Они перехватили радиосообщение на английском языке: «Колонна противника движется в нашем направлении». Мы внимательно осмотрели местность и решили, что наблюдатель, скорее всего, прячется где-нибудь за возвышенностью недалеко от дороги на Мараду. Я вызвал шесть машин и приказал им рассредоточиться веером по неровной поверхности пустыни. Вскоре из машины связи доложили еще об одном послании по-английски: «Шесть легких разведывательных машин неизвестной модели движутся в южном направлении».

Командир четырехосника предложил атаковать подозрительную высоту. Я опасался мин и приказал ему продвинуться вперед на сотню метров и остановиться, что он и сделал. Тут мы перехватили еще одно сообщение: «Тяжелый броневладелец движется по направлению ко мне. Если противник подойдет ближе, буду вынужден прекратить наблюдение».

На двух легких бронемашинах я присоединился к четырехосной бронемашине. Обменявшись несколькими фразами с ее командиром, мы предприняли атаку на высоту. Но, не проехав и мили, увидели облака пыли, поднятой тремя быстро удаляющимися небольшими британскими бронемашинами.

Путь на юг был свободен. Мы двигались, соблюдая осторожность, и все-таки один из грузовиков подорвался на mine. К счастью, погиб только один человек. Командиру тяжелой бронемашины наскучило сопровождать нас, тем более что мы уже нашли дорогу. Он дал нам еще несколько советов и отправился к своим товарищам. Мои саперы принялись расчищать проходы в минном поле – на это у них ушло всего полчаса.

Ночь опустилась на нас быстрее, чем хотелось бы. Поскольку летающие на бреющем полете самолеты противника были для нас так же опасны, как и мины, мы решили воспользоваться тем, что ночь выдалась лунная, и продолжить путь. С первыми лучами солнца мы достигли оазиса Марада. Противника там не оказалось, и мы заняли его без единого выстрела. Арабы, населяющие этот оазис, через нашего переводчика сообщили, что небольшой моторизованный отряд британцев два дня назад ушел в северном направлении.

К нашей радости, мы обнаружили источник свежей воды, который давал начало ручейку. Весь день ушел на оборудование оборонительных позиций на случай возможного нападения. Вечером мы слушали новости Би-би-си. Сводки боевых действий, как обычно, сводились к событиям предыдущего дня. Сообщалось следующее: «Германская бронетехника передвигалась в южном направлении от Эль-Агейлы». Мы не сомневались, что речь шла о нашем отряде, и чувствовали себя польщенными.

К выполнению нашего основного задания приступили на следующее утро. Мы планировали произвести разведку дороги к оазису Джалу, расположенному в 240 километрах к востоку. Я оставил Мараду на командира роты и выбрал для разведки две машины, каждая с экипажем из трех человек. Обе эти машины были вооружены легкими зенитными пулеметами с четырьмя ящиками боеприпасов. Четвертое сиденье в них было занято канистрами с бензином – такие канистры британцы называют «джерри-кэн». Канистры с водой были укреплены спереди. Это были обычные машины с задним приводом и воздушным охлаждением. По бокам были укреплены фашины, на тот случай, если мы увязнем в мягком песке. Меня должен был сопровождать лейтенант Шмидт, и я отправил его выбрать двух добровольцев-мотоциклистов и двух пулеметчиков.

После первого же часа нашего движения на юг я стал опасаться, что мы никогда не достигнем конца пути. Через каждые пять минут мы увязали в глубоком песке. Но постепенно цвет песка сменился на светло-желтый, дорога стала тверже, и мы смогли двигаться с ровной и достаточно высокой скоростью. Через три часа на горизонте с юга появились очертания холма с плоской вершиной. Я понял, что пора поворачивать на восток, но громадные и непреодолимые песчаные барханы – отроги песчаного моря Каланшо – преградили нам путь. Местность круто поднималась в направлении восточного плато. Я понял, что сегодня мы не доберемся до места назначения.

Когда мы достигли холма с плоской вершиной, мой водитель обратил внимание на ряд высоких шестов, торчащих из песка на расстоянии примерно мили друг от друга. Подумав, что эти шесты указывают путь на юг, мы решили поехать туда, куда они вели, надеясь достичь подножия холма и подъема на плато. Весь день прошел впустую. Вечером я взобрался на вершину плато и обнаружил свежие отпечатки широких гусениц британских танков.

День сменился звездной ночью. Мы немного перекусили сухарями, запив их лимонным соком, расставили посты и стали по очереди отдыхать. Во время дежурства я задумался о том, куда мы заехали, и понял, что очутились на отмеченной вехами дороге на Куфру. Проблема теперь состояла в том, чтобы найти путь через песчаные барханы и обойти непреодолимый подъем, ведущий к плато.

На рассвете мы продолжили путь. Наши машины шли не друг за другом, а борт к борту. Если одна машина застревала, то не мешала двигаться другой. Мы шли вперед довольно быстро, поскольку нам удавалось вручную вытаскивать свои легкие «фольксвагены», когда они зарывались в песок, водитель оставался за рулем, а два пассажира поднимали сначала одну сторону и подсовывали фашину под колеса, затем проделывали ту же операцию с другой стороны.

Я подсчитал, что мы ближе к Куфре, чем к Джалу. Местность становилась все более неприступной. По всем направлениям обзор был ограничен, со всех сторон нас окружали барханы. Неожиданно обе машины соскользнули с крутого склона и оказались в глубокой ложбине. Только после нескольких часов изнурительной работы нам удалось втащить их на относи-

тельно ровную поверхность. Мы использовали половину запасов бензина, и нам не оставалось ничего иного, как вернуться в Мараду. Мы прибыли туда в полдень следующего дня.

В тот же день я сделал еще одну попытку с другими людьми и на других машинах найти путь через кажущиеся непреодолимыми барханы, двигаясь к северо-востоку от холма с плоской вершиной. Мы нашли путь к Джалу – и обнаружили, что оазис занят противником. Но я смог доложить, что этот путь пригоден только для специально приспособленного транспорта; о тяжелой бронетанковой технике и речи быть не могло. Я возвращался в Мараду вполне удовлетворенным, несмотря на то что моя экспедиция не принесла желаемых результатов.

А в оазисе меня ждал сюрприз.

Глава 4

Полет на генеральском «шторхе»

1

«Закончить все дела в Мараде. Немедленно вернуться к генералу Роммелю», – сообщалось в радиোগрамме. И хотя на протяжении нескольких ночей подряд я спал не более одного-двух часов, я выдвинулся из Марады этим же вечером на двух легких машинах, чьи достоинства уже успел оценить. Местом моего назначения была передовая штаб-квартира, расположенная теперь, судя по закодированной радиোগрамме, к востоку от Эль-Агейлы. Неделю назад в этом месте мы подверглись артиллерийскому обстрелу. Я удивился, как сильно изменилась обстановка.

Томми имели удобный артиллерийский НП (наблюдательный пункт) на высотке к северу от прибрежной дороги. Он очень мешал нашему передвижению вперед, просто наказание! Две роты саперов получили приказ захватить НП. Их атака завершилась успешно. Роммель наблюдал за ней с воздуха, с борта «физелер-шторха» – личного разведывательного самолета, – и видел, как британские войска отступали к востоку. Он приземлился и приказал танковой разведгруппе во взаимодействии с итальянской дивизией «Ариете» не давать передышки южному флангу противника. Командующему подразделением люфтваффе Фрелиху был дан приказ провести разведку результатов этой атаки. Доклад пилотов поверг в изумление: «Наблюдается крупномасштабный отход противника в направлении Аждабии и Бенгази».

Роммель немедленно запросил у Фрелиха дополнительную информацию по районам вокруг Мекили и к востоку от Бенгази. На сей раз доклад воздушной разведки казался еще более неправдоподобным: «Общее движение войск противника в восточном направлении через Киренаику».

«Неужели пришел мой час?» – подумал Роммель. Возможно ли, чтобы его макеты танков, слепленные из дерева и брезента, сумели убедить воздушную разведку противника в том, что начато крупное наступление? Неужели противник принял нашу слабую атаку на НП и показательную активность наших танков на южном фланге за начало крупного наступления?

Роммель был не из тех, кто тратит время на бесплодные раздумья. Он был в своей стихии и до конца использовал преимущества сложившейся ситуации. Тут же нанес два удара: один – опираясь на поддержку итальянских войск вдоль побережья на Бенгази, другой – одними немецкими частями в направлении Мекили. Похоже, Уэйвел переоценил боевую мощь оси. Тот трипольский военный парад не пропал даром. Сейчас самое главное – скрыть от противника истинное положение вещей. Приказ Роммеля гласил: «Пустить танки впереди всех подразделений, машины должны идти сзади, чтобы подымать пыль и ничего, кроме пыли». Кто мог бы распознать в пустыне, что движется позади первых машин в клубах пыли?

Роммель был неутомим. Он, казалось, находится в десяти местах одновременно, постоянно летал на своем «шторхе», появляясь то там, то здесь и всегда оказываясь в тех местах, где его меньше всего ждали.

2

Я подошел к морскому побережью восточнее Эль-Агейлы и наткнулся на наши штабные автомашины. Измученный ночным переходом из Марады, я лег поспать часок-другой, а на

рассвете проснулся отдохнувшим, хотя с трудом разлепил ресницы – их склеил песок. К семи часам утра я увидел флаг передовой штаб-квартиры около посадочной полосы Адждабии.

Мой доклад о разведывательной миссии в Марада-Джалу был уже никому не нужен. Никого не интересовали возможности выдвижения на Джалу. Элерт встретил меня нетерпеливым возгласом:

– Где вас, черт возьми, носило?

Но даже не стал дожидаться ответа. Склонившись над картами, он на какое-то время забыл о моем существовании. В фургоне царило то напряженное оживление, которое обычно наступает в ходе боевой операции. Дежурный офицер обер-лейтенант Хосслин, который тоже находился в фургоне, старался не перебивать Элерта, хотя ему стоило большого труда сдерживать себя. Я последовал его примеру и тоже не произносил ни слова. Дежурный офицер снова туда и обратно с десятком распоряжений. Элерт делал красные и синие пометки на своей оперативной карте. Неожиданно я заметил густые клубы пыли, поднимавшиеся к северо-востоку от Мсуса.

В дверях показалась голова лейтенанта Гиммлера.

– Оперативный отдел здесь?

– Пошел к черту! – рявкнул Элерт, даже не поднимая головы.

Я пожалел, что был сейчас не в пустыне.

Элерт разговаривал по телефону с начальником штаба, и было похоже, что ни один из них не знал, где сейчас находится Роммель.

– Командующий собрался лететь в Мсус на «шторхе», – сказал Элерт, – но машина еще здесь.

Появились признаки приближающейся песчаной бури. Итальянцы называют ее гibli, а англичане – хамсин. Песок скрипел на зубах. Было жарко. Нещадно донимали мухи.

Элерт помедлил, а потом добавил:

– Возможно, генерал уехал в своей открытой машине. С ним были майор Шреплер и Альдингер.

Фон дем Борн, похоже, запрашивал данные воздушной разведки. Элерт ответил:

– Из-за песчаной бури данные, полученные утром, недостоверны. Определенно можно сказать одно – британские войска движутся в сторону Тобрука.

Начальник штаба изложил обстановку со своей точки зрения. Элерт слушал его, нервно постукивая пальцами по столу, наконец вставил слово:

– По моему мнению, господин подполковник, необходимо стремительным рывком обойти Мекили и прорваться к Тобруку прежде, чем противник успеет там закрепиться. Танковой дивизии был дан приказ совершить бросок к Мекили. Прошу вас в отсутствие генерала изменить приказ и направить удар на Тобрук, а не на Мекили.

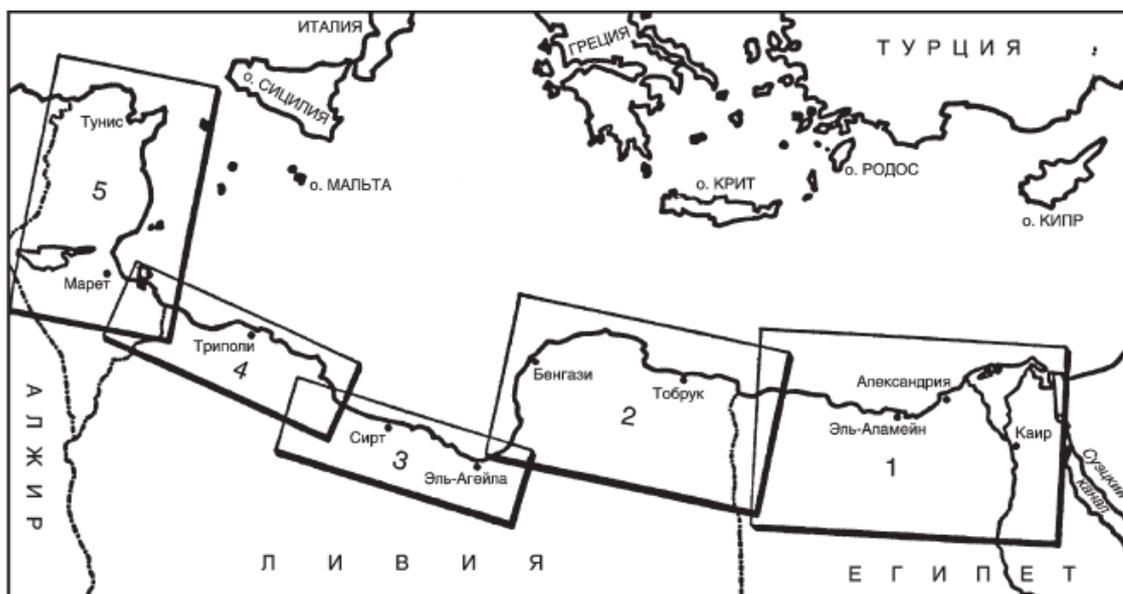
Фон дем Борн согласился и повесил трубку.

Элерт повернулся и посмотрел не меня отрешенным взглядом. Но вот в его глазах появилось сосредоточенное выражение, как будто он наконец узнал, кто сидит перед ним. Вернувшись к действительности, он сказал:

– Полагаю, вы слышали наш разговор... Берите машину – нет, лучше самолет! – и отправляйтесь в Мекили. Каждой колонне передавайте новый приказ: «Всем колоннам прорываться прямо на Тобрук».

До этого утра я никогда не слышал о Мекили. «Берите самолет» прозвучало так же обыденно, как и «скушайте яйцо».

– Каким самолетом я могу воспользоваться, господин майор? – Я уже собирался попросить хорошую карту, но вовремя отказался от этой идеи.

Общая карта театра военных действий. Территории, изображенные на отдельных картах

Лицо Элрета побагровело, а глаза чуть не вылезли из орбит.

– За кого вы, черт возьми, меня принимаете? – взревел он. – За няньку, которая должна менять вам пеленки?

– Нет, господин майор, – запинаясь, произнес я, козырнул и поспешил удалиться из командного фургона.

Как только я закрыл за собой дверь, Элрт вновь открыл ее и крикнул мне вдогонку:

– Возьмите генеральский «шторх»!

Если до этого момента я недооценивал важность и срочность отданных мне приказаний, то понял это, когда мне велели воспользоваться генеральским личным и наиболее важным транспортным средством.

Я нашел пилота Роммеля, унтер-офицера. Сначала он не мог поверить, что какой-то лейтенантишка получил право распоряжаться генеральским самолетом, а когда убедился, что я нахожусь в здравом уме, то заявил, что только ненормальный собирается лететь в песчаную бурю. Возможно, он был прав. Но в этот момент наша беседа была прервана. Сквозь облака пыли мы увидели и услышали невдалеке разрывы вражеских бомб. За воем бури мы услышали приближение машин Королевских ВВС.

Это, похоже, убедило унтер-офицера, что лететь можно и безопаснее быть в воздухе, чем рядом со штаб-квартирой. Он достал небольшую карту, на которой мы не без труда нашли Мекили, и полез в кабину. Из-за жары я был одет в рубашку с короткими рукавами – так и отправился на фронт на генеральском самолете, не положив в карман даже бритву или зубную щетку.

Пилоту Роммеля с трудом удалось набрать высоту. После нескольких кругов я с облегчением заметил, что мы постепенно поднимаемся. Иногда в облаках пыли появлялись просветы, и я успевал заметить движущиеся колонны. Я мысленно повторял про себя приказ: «Обойти Мекили и прямым ходом двигаться на Тобрук». Я восхищался начальником штаба, проявившим инициативу и не побоявшимся без ведома Роммеля изменить план операции такого большого масштаба.

Я продолжал надеяться, что буря утихнет, но мы летели уже три четверти часа, а непогода, похоже, только усиливалась. Унтер-офицер едва справлялся с управлением своим крохотным самолетиком. Сильный ветер мотал его из стороны в сторону, словно воздушного змея на веревочке.

Я прокричал пилоту:

– Мы должны долететь до пункта назначения – вы понимаете, как это важно!

– Вполне, господин лейтенант, – подтвердил он. – Но что невозможно, то невозможно.

И словно в подтверждение его слов нас подбросило вертикально вверх, затем самолет резко провалился вниз – казалось, гибель неминуема. Но пилоту удалось выровнять машину.

Пилот, по-видимому, принял решение. Он прокричал мне:

– Я отвечаю за эту машину! Я сажусь!

Я промолчал и подумал, как он собирается это делать: земли не было видно. Но он каким-то образом, несмотря на мрак, ухитрился снизиться, и вскоре уже наши колеса катились по неровной поверхности пустыни. Этот «шторх» мог бы приземлиться и на теннисном корте.

В некотором смятении я выпрыгнул на землю, и лишь одна мысль упорно вертелась в моей голове – а как же мое задание? Я не имел права провалить его!

На ужасающем ветру пилот пытался вбить в землю колья и привязать к ним самолет веревками. Я прокричал ему приказание оставаться на месте до окончания бури, а сам отправился искать другой транспорт.

Вслепую бежал я сквозь бурю, сознавая, что уходят драгоценные минуты. Или, может быть, часы? Порой меня охватывало чувство одиночества и бессилия. Бредя по пустыне, я не видел ничего, пока в красноватом тумане впереди не различил неясные очертания приближающегося «фольксвагена». Вихрь густой пыли скрыл было его от меня, но я рванулся вперед и закричал что было мочи. Водитель заметил меня и остановился. Он с изумлением смотрел, как я запрыгнул внутрь и рухнул на сиденье. Предупреждение водителя: «Пожалуйста, поосторожней – там помидоры» опоздало. Тяжело дыша, я представился и объяснил, как очутился здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.